

В. М. АРТЕМОВ

М. А. Бакунин: к свободе через образование

Выход российского общества из кризиса предполагает духовно-нравственное возрождение, неотъемлемыми сторонами которого выступают свобода и образование. Если поиски путей к свободе — это своеобразная «красная нить» исторически развертывающегося социокультурного процесса, то образование — духовный материал, скрепляющий социум, стремящийся к прогрессу. Образование обеспечивает преемственность в культуре, приближает будущее. Поэтому, помогая образованию, общество тем самым делает шаг к идеалу, включающему в себя такие ценности, как свобода, справедливость, счастливая жизнь и др. Само общество может оказаться способным к этому, если реализует указанные ценности, опираясь на социально-экономическую устойчивость.

Ориентация на такое общество, на утверждение личностного начала в практически-нравственном измерении отличает русскую философию, видным представителем которой является М. А. Бакунин. Бакунинский вариант решения проблем общества в направлении его освобождения и организаций разумного сотрудничества нуждается в новом осмыслении. Освоение творческого наследия М. А. Бакунина позволит продвинуться к желанному состоянию просвещенной свободы.

Исторический опыт развития нашей страны, да и всего мира показывает, что критическая составляющая бакунизма оказалась верной. Государственность, как она виделась М. А. Бакунину, не приблизилась к конкретному человеку. В анархизме, понимаемом мировоззренчески, есть здоровые элементы творчества и свободы. Основная анархистская установка на свободное, самоуправляющееся общество предполагает естественно-природные, духовно-нравственные, лич-

ностные опоры для нормального социального развития. Фактическое исчерпание лимита доверия к существующим институтам власти ориентирует ученых на более глубокое изучение альтернативных вариантов преобразований, особенно идущих от отечественной «почвы», учитывающих интересы людей труда.

Среди множества проблем современности представляется актуальным выделить проблему формирования культуры свободы. На первый взгляд свободы в России стало больше: произошло своеобразное раскрепощение общественного сознания, возросла активность средств массовой информации и т. п. Но этот феномен свободы недостаточно связан с глубокими и заинтересованными духовными поисками субъектов социальной жизни. Дарованная свобода имеет тенденцию превращаться в свою противоположность, т. е. в несвободу, даже рабство. Преодоление такой губительной перспективы может быть осуществлено на основе возрождения и обновления всей системы отечественного образования.

Как никогда ранее актуализируется задача формирования своеобразного института общественной инициативы, призванного изучать происходящее, определять ценностные ориентиры, осуществлять контроль за деятельностью управленческого аппарата. Речь идет о движении «снизу», о реальном самоуправлении, хотя с охраной права частной собственности лучше всего справляется государство. Но ведь у человека есть и другие права, к примеру право на труд и на своевременное вознаграждение за него. Подлинная свобода человека предполагает ответственность и взаимопомощь. В противном случае, предупреждал М. А. Бакунин, углубляется отчуждение людей друг от друга, разворачиваются социальные конфликты. Основная нагрузка в деле разрешения социальных конфликтов должна лечь на социальные силы, опирающиеся на разум и нравственность. Современное общество заинтересовано в том, чтобы «сеятели» разумного, доброго, вечного были причастны к реальному общественному контролю за тем, как конкретно реализуются эти ценности на всех этапах общественного здания.

* * *

Свобода не может быть заемной. Она произрастает только на подготовленной почве. В данном случае это российская культура и ее самосознание — русская философия. Н. А. Бердяев¹ отмечает: «Я многому в юности учился у западной мысли, более всего у германской философии, многому продолжаю учиться <...>. Но во мне всегда оставалось неистребимо мое индивидуально-личное и мое русское. И это несмотря на мое отвращение ко всем формам национализма,

на мой коренной универсализм. Я принес с собой также своеобразный русский анархизм на религиозной почве, отрицание религиозного смысла принципа власти и верховной ценности государства»*.

Последние слова русского философа показательны по крайней мере в двух отношениях: во-первых, учеба у других не предполагает отказа от своего, пусть даже и проигрывающего на первый взгляд чужому; во-вторых, вполне принимаемый западными авторами персонализм мирно уживался в России с весьма критическим отношением к государственности. В целом высокая степень критичности и даже раскаяния — одна из особенностей русской философии. Она присуща и взглядам М. А. Бакунина. Так, желая быть объективным и беспристрастным, он выделяет положительные и отрицательные («затемняющие») черты русского народного идеала. С одной стороны, «это всенародное убеждение, что земля, вся земля принадлежит народу <...> что право на пользование ею принадлежит не лицу, а целой общине <...> это квазиабсолютная автономия, общинное самоуправление <...>»**. С другой стороны, имеется и то, что искажает указанный идеал, затрудняет и замедляет его осуществление. Речь идет о трех «затемняющих чертах», а именно о патриархальности, поглощении лица миром, вере в царя. Что касается религиозного вопроса, то он, по мнению М. А. Бакунина, «не представляет той важности, какую он представляет в Западной Европе, не только в католических, но даже и в протестантских странах»***. Вместе с тем М. А. Бакунин исходит из веры в сам народ, внутри которого уже ведется борьба с тем, что мешает осуществлению свободы. Последнее предполагает заинтересованную деятельность людей, стремящихся устроить свою жизнь по законам естественной гармонии, социального равенства, взаимопомощи и солидарности, что ведет к действительному порядку, свободной и счастливой жизни.

Поиски Бакуниным путей к свободе не были безрезультатными, хотя о нем зачастую вспоминают лишь в связи с идеями и практикой крайнего варианта анархизма с его бунтарством и требованием уничтожения государственной машины. Такое видение русского бунтаря не является случайным: дают о себе знать плоды его официального изображения. Разумеется, собственно научные исследования феномена бакунизма никогда не прекращались****.

* Бердяев Н. Самопознание. М., 1990. С. 238.

** Бакунин М. А. Философия. Социология. Политика. М., 1989. С. 511.

*** Там же. С. 512.

**** См., например: Козьмин Б. П. Из истории революционной мысли в России. Избранные труды. М., 1961; Пирумова Н. М. Михаил Бакунин. Жизнь и дея-

В западной научной литературе имя Бакунина давно заняло прочные позиции. К примеру, в изданной на русском языке «Социологии политики» ее автор П. Бурдьё² предваряет одну из глав эпиграфом из Бакунина: «Аристократы интеллигенции полагают, что есть истины, о которых следует говорить народу. Я же, социалист-революционер, заклятый враг всяческой аристократии и опеки, думаю напротив, что с народом нужно говорить обо всем. Другого средства дать ему полную свободу — нет»*. И в нашей стране в последние годы наблюдается повышение интереса к творческому наследию М. А. Бакунина. Достаточно полно освещаются различные стороны его жизни, научной деятельности, включая и оригинальное решение проблемы свободы**.

Свобода, по мнению М. А. Бакунина, имеет различные уровни, первый из которых можно отождествить с хаосом, выражающимся у человека в спонтанности желаний, стремлений, порывов. Это — своеобразный импульс, идущий как бы изнутри самой природы. В работах Бакунина свобода рассматривается в качестве родового свойства человека, своеобразными проявлениями которого выступают «мысль» и «бунт». Вместе с тем М. А. Бакунин считал, что свобода представляет собой процесс, включающий такой важный элемент, как образование. Если этот элемент выпадает, то рушится вся теоретическая конструкция освобождения человека. Поэтому вполне оправданна новая теоретическая реконструкция учения философа, в которой все основные идеи и пласты проблем оказались взаимосвязанными. Думается, это может помочь и в сегодняшнем движении от свободы преимущественно внешней к свободе внутренней, связанной с культурой и с конкретным человеком.

Последняя предполагает образование***, причем образование основательное, глубоко укорененное в конкретном социокультурном пространстве. Оно же должно быть и максимально открытым, впитывающим в себя все действительно ценное и передовое.

тельность. М., 1966; *Володин А. И.* Гегель и русская социалистическая мысль XIX века. М., 1973; *Моисеев П. И.* Историко-философское источниковедение М. А. Бакунина и бакунизма. Иркутск, 1981.

* *Бурдьё П.* Социология политики. М., 1993. С. 233.

** Из последних работ назовем, например, такие: *Графский В. Г.* Бакунин. М., 1985; Памяти М. А. Бакунина, М., 1990; *Пирумова Н. М.* Социальная доктрина М. А. Бакунина. М., 1990.

*** Русский анархист считал, что задачи утверждения идеалов свободы и справедливости будет решать прежде всего образованная молодежь (см.: *Бакунин М. А.* Философия. Социология. Политика. С. 523).

* * *

Анархистский вариант философии свободы имеет глубокие российские корни, всесторонний учет которых помогает преодолеть весьма устойчивую традицию изображать бакунизм как проявление негативной свободы, «свободы-от», как вытесняющее самого человека насильственное идейно и общественно-политическое течение. Бакунизм отрицает В. И. Ленин, ибо, по его мнению, анархизм «имел возможность в прошлом (70-е годы XIX века) развиться необыкновенно пышно и обнаружить до конца свою неверность, свою непригодность как руководящей теории для революционного класса»*. Подобная оценка, правда, с противоположным знаком, дается, к примеру, С. Л. Франком³. Всему утопизму, а значит и бакунизму, приписывается попытка переделать человека, навязать модель «правильного» поведения. За этим, в свою очередь, по мнению С. Л. Франка, стоит стремление самого человека «сотворить мир из ничего». Поэтому задача разрушения составляет для него «интегральную часть его творческой задачи»**.

Классический анархизм в России с самого начала утверждает приоритет не только деятельности начала в человеке, но и высоких нравственных принципов. Речь идет и об основных теоретических положениях М. А Бакунина, П. А. Кропоткина, и об их жизни, поступках. П. А Кропоткин особо подчеркивает нравственное влияние М. А Бакунина: «Поразило меня больше всего то, что нравственное влияние Бакунина чувствовалось даже сильнее, чем влияние его умственного авторитета»***. Несмотря на достаточную убежденность в необходимости революционного пути освобождения общества и человека Бакунин видел и ограниченность этого пути.

Анархизм и нравственность не только не исключают, а уже предполагают друг друга. Как идейное течение анархизм возник в среде образованных, развитых в духовно-нравственном отношении людей, ратовавших прежде всего за личностную свободу, на пути формирования и развития которой стояли политическая власть и бюрократия. Отрицание последних не было самоцелью и носило во многом печать нравственного неприятия.

Не случайно П. А. Кропоткин склонялся к тому, чтобы начинать радикальные преобразования с «воспитания нового человека, который только и способен новое общество построить»****. Сначала люди,

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 15.

** Франк С. Л. Ересь утопизма // Социс. 1994. № 1. С. 132.

*** Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1988. С. 277.

**** См.: Никитин А. Л. Заключительный этап развития анархистской мысли в России // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 93.

а затем дело — вот своеобразный идейный стержень анархизма просветительского типа. Показателен в этом отношении путь молодого Бакунина к его последующей подвижнической деятельности. Начинал он с целенаправленного самообразования. Так, в письме сестрам от 25 января 1834 г. 19-летний Бакунин делится сокровенным: «<...> чувствую, что возрождаюсь <...> Прежде хотел учиться лишь для того, чтобы получить образование, без всякой другой цели; теперь я учусь со страстью, потому что только в изучении природы я усматриваю счастье на земле <...> Писать, говорить по-русски, знать отечественную историю, знать, одним словом, святую Русь — нужно русскому <...>»*. И в последующие годы русский философ шел к свободе через знания, рассматривая их как исходный пункт реального дела, направленного, в сущности, на достижение человеческого счастья.

* * *

Бакунинский анархизм представляет собой известный вариант теоретического синтеза по крайней мере двух основных линий в философии XIX в. — линии антропологической и линии социоцентрической. Своеобразным соединительным звеном между ними была прочная связка «свобода-образование».

Свобода как своеобразная несущая конструкция всех теоретических построений М. А. Бакунина базируется на культурно-образовательном фундаменте. Так, передовые, хорошо образованные люди в России всегда стремились внести максимальный вклад в дело реализации того созидательного слова-проекта, которое удовлетворяло, по их мнению, потребности социума и каждого его члена. Для них уточнение слова с целью последующей реализации его было вопросом чести. Они стремились создать условия распространения и прорастания духовных зерен, заключенных в слове, которое соотносилось с действительностью. По существу, такой процесс составлял часть необходимого для общества дела.

Говоря о дворянстве, «до которого коснулся свет западного просвещения», М. А. Бакунин отмечает, что просвещение вообще «успело образовать даже в <...> дворянской молодежи людей, ненавидящих рабство, любящих справедливость и требующих более человеческих отношений к народу, на поте и крови которого было основано даже самое их образование»**. Одним из таких дворян, к примеру, был П. Я. Чаадаев, называвший своим «воспитанником» молодого

* Бакунин М. А. Избранные философские сочинения и письма. М., 1987. С. 55.

** Бакунин М. А. Философия. Социология. Политика. С. 137–138.

М. Бакунина*. Уже первое его «Философическое письмо» свидетельствует, что слово есть дело, когда оно «произносится» точно (критика мрачной российской действительности была достаточно убедительной и произвела эффект разорвавшейся бомбы) и своевременно.

Правдивое слово — смелый поступок, и произносится оно ради действительного изменения ситуации. До П. Я. Чаадаева подобным же образом поступали М. В. Ломоносов, А. Н. Радищев и др. Даже Любомудры подтверждают общее правило: для свершений важен момент раздумий, с тем чтобы слово было не просто критичным, но и последовательно честным. В 20-е годы XIX в. складывается плодотворный союз деятелей искусства, прежде всего литературы и философии. Любомудры пытались осмыслить содержание будущей обновленной жизни в России. Они, относясь к декабристам с подлинным уважением и сочувствием, сознательно отходят от практики верхушечных переворотов, видя, в частности, в ней своеобразное продолжение «практической» французской философии XVIII в.

Первое знакомство с западной философией у М. А. Бакунина состоялось в русле практически-нравственных поисков, идущих из самых основ личной и социальной жизни, которая составляет своеобразное ядро бакунинского мировоззрения. «Жизнь, примат жизни, — отмечает А. Боровой, — центральный фокус бакунинской философии. Жизнь таит в себе неограниченные творческие потенциалы, она — само творчество. Жизнь есть конкретное и реальное, она господствует над мыслью, она определяет волю»**. Именно поэтому Бакунин сочувственно отнесся к натурфилософии Шеллинга, идеи которого дошли до Бакунина «сначала через вторые руки»: чтение произведений русских шеллингианцев — профессоров А. И. Галича, Д. М. Веланского, а также стихов члена кружка «любомудров» Д. В. Веневитинова⁴ — привело к тому, что идеи Шеллинга оставили «определенный след в его сознании»***.

Альтруистическая этика Фихте, ориентирующая на добровольное подчинение нравственной необходимости, увлекла Бакунина настолько, что он попытался даже углубить «посредством оригинальной теории гармонии, или теории любви». Любовь, по мнению Бакунина, «есть главная причина жизни, главный закон гармонической связи, царствующей в природе»****, «выражение жизни» Бога. А материальным воплощением последнего является человечество,

* См.: Вестник Европы. 1871. Т. V. С. 21.

** Боровой А. Бакунин. М., 1994. С. 18.

*** См.: Пирумова Н. М. Социальная доктрина М. А. Бакунина. С. 23.

**** Бакунин М. А. Собр. соч. и писем. М., 1934. Т. 1. С. 301.

стремящееся к свободе*. Таким образом, религиозность М. А. Бакунина, по существу, сводится к любви к человечеству. За бакунинским вариантом пантеизма стоят не только идеи Спинозы, Гердера и Гёте, но и особенности понимания единства Бога и самой жизни в русле явственной православной традиции. М. А. Бакунин собственно относился к практически-духовному элементу в православии, но никогда не разделял ориентацию последнего на смирение перед властью, на сотрудничество с ней.

На заре революционно-демократического этапа своей деятельности М. Бакунин наряду с другими представителями прогрессивной философской мысли России выступал как гегельянец. К гегелевской диалектике его вели две линии русской общественной мысли и философии. Во-первых, это активные поиски путей к свободе и социального начала на основе максимального учета российской специфики. Русские анархисты и другие подвижники духа «прорубали окно в Европу» для того, чтобы в собственном доме было еще светлее, чтобы научиться у других и самим учить. Не случайно бакунинская интерпретация гегелевской философии эволюционирует от ученически-романтической до последовательно анархистской. Во-вторых, пробивает себе дорогу космически-антропологическая линия, всегда подспудно присутствовавшая в русской культуре, но особенно проявившая себя в XIX и XX столетиях (классический анархизм, космизм и пр.). Эта линия обеспечивала относительную устойчивость всей теоретической конструкции анархизма М. А. Бакунина, П. А. Кропоткина и др. Рассмотрение человека в качестве наиболее совершенного природного существа, вносящего порядок и смысл во все происходящее как бы изнутри, приводит к допущению возможности максимального разрушения внешнего, государственно-политического. При этом остается главное — творческая свобода человека, стремящегося к солидарной деятельности на благо всех и каждого. Среди сохранившихся конспектов Бакунина имеется и такая рукопись: «Психология или философия субъективного духа (Из Энциклопедии Гегеля и Психологии Розенкранца⁵)». Имея в виду внутреннее единство космоса и его динамику, автор выписывает из Гегеля и Розенкранца соответственно: «<...> сотворение и отрицание есть бесконечный процесс» и «человеческий организм есть тотальный организм: микрокосм <...> Мышление есть сущность Духа, через мышление человека <...>»**. Просматривающийся здесь антропологизм не только сближает философию и психологию,

* См. там же. С. 170.

** Цит. по: *Пирумова Н. М.* Социальная доктрина М. А. Бакунина. С. 33.

но и готовит почву для прорыва идеалистического содержания гегелевской системы.

С начала освоения этой системы М. А. Бакунин стремился выявить в ней то, что отвечало бы интересам преобразовательной деятельности в России. Поэтому революционная направленность метода Гегеля вышла на первый план в его конспектах и статьях. Оказавшись в начале 40-х годов за границей, М. А. Бакунин примкнул именно к левым гегельянцам. Очевидно, что никакого примирения с тогдашней российской действительностью в духе известного тезиса «Что разумно, то действительно. И что действительно, то разумно» у него не было. М. А. Бакунин хотел познать истинную, а не случайную действительность, лежащую на поверхности.

Нельзя не учитывать и влияние альтруистической этики Фихте. Последний для тогдашних молодых радикалов был «истинным героем нового времени». Само же соединение гегельянства и фихтеанства больше характеризует указанных радикалов, стремящихся к делу на базе всестороннего освоения слова, не важно, кем сказанного, лишь бы истинного и утверждающего добро и красоту. Сравнивая себя с Фихте, Бакунин заметил: «У меня у самого есть нечто в этом роде, но мне нужно еще *образовать свою силу* (курсив мой. — В. А.), способность спокойно опираться на себя и действовать независимо и наперекор всему внешнему»*. Позднее, уже в своей работе «Философские рассуждения о божественном призраке, о действительном мире и о человеке» М. А. Бакунин как бы возвращается к этой исходной мысли. «Человек может <...> стать, — пишет он, — до определенной степени своим собственным воспитателем, своим собственным инструктором и как бы творцом самого себя»**.

Таким образом, бакунинский вариант интерпретации гегелевской философии обусловлен в значительной мере практически-нравственной ориентацией формирующегося русского философа. Этого не смог до конца понять и сам Бакунин, делая упор на «разрушительную» сторону диалектики. В своем программном произведении «Государственность и анархия», самокритично оценивая свои позиции в 30–40-х годах, когда «господствовало мнение, что революция, которая последует за распространением гегелианства, развитого в смысле полного отрицания, будет несравненно радикальнее, глубже, беспощаднее и шире в своих разрушениях, чем революция 1793 г.»***, он называет «метафизиками» тех последователей Гегеля,

* Бакунин М. А. Избранные философские сочинения и письма. С. 134.

** Там же. С. 364.

*** Бакунин М. А. Государственность и анархия. Цюрих, 1873. С. 207.

кто превозносит науку над «естественной и общественной жизнью»*. Вместе с тем многие суждения Бакунина не позволяют относить его к сторонникам какого-то чистого «практицизма».

К идейно-теоретическим источникам бакунизма относятся и философия Л. Фейербаха. Немецкий материалист помог М. А. Бакунину преодолеть идеализм и закрепить космически-антропологическую направленность собственной философии. Хотя русский революционер и пошел дальше Л. Фейербаха в радикализации и широте социальных преобразований, необходимых для достижения истинной человечности, но он не вышел за пределы гуманизма с его абстрактностью и односторонностью. Бакунин пытался осуществить своеобразный синтез антропологического и социального подходов, к чему его подтолкнул марксизм. Во всяком случае диалектико-материалистическое понимание общества и истории воспринималось как действительный шаг вперед в социальной философии.

Неоднозначным было и отношение М. А. Бакунина к позитивизму. Своей приверженностью к некоторым идеям позитивизма Бакунин как бы «уравновешивает» систему своих антигосударственных взглядов, ведь одним из наиболее важных требований «истинной», или позитивной, философии является требование «преимущественно не разрушать, но *организовать*»**. Будучи зрелым анархистом, М. А. Бакунин преодолевает свое увлечение позитивизмом и принципиально отрицает реформистский путь преобразования общества; ориентация на известную гармонию и порядок в обществе, по существу, определяет всю его теоретическую конструкцию и практическую деятельность. Обращение к свободному «Я» в духе М. Штирнера означало личностно-гуманистическое начало последних. А начало это, в свою очередь, определялось умонастроениями в той среде, из которой вышел русский анархист. Известно, к примеру, что противопоставление внутренней свободы господству внешней необходимости, подчеркивание примата свободы, исходящей из внутренних побуждений человека, — все это было характерно для славянофилов. М. А. Бакунин в данном отношении солидарен с ними, но преодолевает религиозность и иллюзии монархизма. В качестве их своеобразных заменителей выступают у него научное знание и свободное сообщество взаимосвязанных ячеек хозяйственного и социального порядка. Построение будущего, таким образом, не мыслится без целенаправленной образовательной работы.

* См. там же. С. 210.

** Конт О. Дух позитивной философии. СПб., 1910. С. 35.

Становление самого Бакунина, теоретика и практика, — яркое тому подтверждение.

Вопрос об идейно-теоретических источниках философии русского анархизма имеет и образовательное измерение. Действительно, молодой М. А. Бакунин предстает перед нами и как образцовый ученик, и как формирующийся учитель, стремящийся отстаивать интересы своей страны, борющийся за утверждение истины, добра и красоты, ищущий пути к подлинной свободе. Российская действительность того времени в основном отторгала его идеи. Интересно, что именно анархистское понимание связи свободы и образования меньше всего было предметом полемики, разгоревшейся в рабочем движении во второй половине XIX в. Может быть, потому, что данное понимание скорее сближало различные силы, чем разъединяло их.

Образование, по М. А. Бакунину, впитывает в себя «институт» и опыт народа, оно не сводится к книжной учености. В процессе образования происходит своеобразный возврат человека (ученика) к «естественному» состоянию с его внешним хаосом и внутренней духовной гармонией (порядком). Образование в буржуазном обществе рассматривается как дополнительный источник социального превосходства и не может быть равным для всех. Материальной базой для равного бесплатного образования должна, по мнению М. А. Бакунина, стать экономическая независимость детей от родителей. Адекватной формой их независимости является общественное воспитание детей при сохранении за родителями их прав. Разумеется, речь не о равнении умов и творческих способностей, а о равенстве «исходной точки», т. е. возможностей, а не результатов.

В содержательном плане образование, ориентирующееся на свободу, включает познание закономерностей, способов исследования действительности, в том числе промышленности. Оно способствует развитию художественного чувства, чувства справедливости. В свободном обществе потребуются такие ценности, как разум, истина, справедливость, уважение к человеку, сознание собственного достоинства, любовь к свободе для себя и для всех других, культ труда как основы и условия всякого права. В этом обществе предстоит «растворить отдельную социальную организацию ученых во всеобщем и равном для всех образовании» для того, «чтобы массы <...> могли отныне взять в руки свои собственные исторические судьбы»*. Учителя и ученики выступают как равные, а образование есть взаимозаинтересованное возвращение свободной культуры и культурной свободы.

* Бакунин М. А. Избр. соч. М., 1920. Т. II. С. 201.

Подлинная свобода пробивает себе дорогу сквозь толщу предрассудков, заблуждений и невежества. Культура свободы не может быть делом только образования. Ее формирование зависит от состояния всей духовной сферы общества, которая различна по субъектам (писатели, художники, преподаватели, ученые и т. д.), по духовным ценностям (истина, добро, красота, свобода, справедливость), по формам их воплощения (книги, картины, лекции и семинарские занятия, конференции и т. п.). По мере возрастания возможностей электронных средств массовой информации многократно повышаются требования ко всем участникам духовного производства и распространения оригинальной духовной продукции. Сегодня, скажем, правдивое слово может быть не услышано. Дать интервью, провести конференцию, сделать сообщение — значит фактически сыграть определенную роль в плане создания соответствующего пространства для реализации свободы, для ее своеобразного окультуривания. Таким образом, пространство культуры, с одной стороны, является результатом развертывания свободного личностного бытия; с другой — выступает в качестве фактора формирования гармоничной свободной личности.

